

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Журавель Ольги Дмитриевны на тему: *«Литературная культура старообрядцев XVIII–XX вв.»*, представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01. – русская литература в диссертационный совет Д.212.285.15 при ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Диссертационное исследование О. Д. Журавель посвящено изучению литературной культуры старообрядцев. Характер этой локальной, а потому достаточно замкнутой литературной традиции, её теоретические искания, «смена писательского типа» на рубеже XVII – XVIII вв., оформление «художественного самосознания» в её литературной практике, сохранение канонических архетипов в жанровой системе и законы их модификаций в творчестве старообрядческих писателей представляют несомненный интерес как для истории русской литературы, так и для типологической исторической поэтики. Проблема старообрядческого литературного наследия в таком аспекте и на таком серьезном временном пространстве (XVIII – XX вв.) обсуждается впервые. В литературном творчестве старообрядцев этого гигантского периода О. Д. Журавель находит объединяющую их каноническую константу и описывает пути её динамизации, те новации, которые, входя в литературную культуру старообрядческого сообщества, обеспечивают её связи с основными тенденциями развития русского литературного процесса.

Староверы «в слове» всегда жили и живут в дониконовском историческом времени, уходя подчас в начало Руси и в первые века христианства, но всегда удивительно современны. «Раскол гонялся за стариною, старался как бы точнее держаться старины; но раскол был явление новой, а не древней жизни» (Н. Костомаров). Согласно этому замечанию, старообрядцы лишь *воспроизводили* традиции русского православия в дониконовской интерпретации, но они были явлением нового периода. «А. А. Карташев, давший лучшую и наиболее глубоко охватывающую характеристику раскола, замечает, что в старообрядчестве, – “разрядилось то напряжение русского духа, которое сделалось осью его самосознания и сводилось к идее третьего Рима, т.е. к мировой миссии охранения чистоты истины Православия <...> Для старообрядчества решался не местный, не провинциальный вопрос, а вопрос всей мировой истории <...> Его положительный пафос, конечно, не в ритуализме, не в про-

стом сохранении старины, а в блюдении чистоты Церкви» (В. Зеньковский). Именно потому старообрядцы, с одной стороны, скрупулезно хранят и воспроизводят прошлое, а с другой, – постоянно создают в каноне новые аспекты.

Эта специфика позиций старообрядчества позволяет описать их литературу как своеобразный литературный процесс от истоков к современности, увидеть способы сохранения традиционных её основ и уровни освоения нового, описать признаки обновления литературной культуры старообрядцев в разные литературные эпохи, зафиксировать сохранение ими национальных традиций.

Таким образом, *актуальность выбора темы несомненна*, а уже сам *предмет* исследования этой локальной и одновременно многоаспектной, консервативной и современной культуры, какой является литературная культура старообрядцев, обеспечивает и её *новизну*.

Подчеркнув, что объектом исследования в предлагаемой к защите диссертационной работе являются «памятники литературного творчества старообрядцев XVIII–XX вв., рассмотренные во взаимосвязи с риториками и в жанровом контексте» (с. 28), О. Д. Журавель намечает в общем поле проблем, связанных с изучением литературной культуры старообрядчества, ряд задач. Она предлагает и реализует новые подходы к исследованию старообрядческой культуры как *единой динамической системы*: 1) описывая *специфику* формирования новой концепции писательства, связанной с влиянием на литературное творчество старообрядцев общерусской (возникшей под влиянием европейской) барочной риторической культуры, 2) выявляя *особенности* рецепции риторических учений», оформившихся в литературной культуре второго поколения старообрядческих писателей (русское люллианство на Выгу), 3) фиксируя *форматы* риторических сборников и *топику* старообрядческой проповеди. В связи с этим диссертантка включает в сферу своих исследовательских интересов не только литературную культуру Выга, но и позднюю старообрядческую литературу XX в., фиксируя вновь изменение «принципов творчества» в это время, своеобразный возврат к древнерусской традиции воспроизведения жанровых образцов, отмечает, что в системе таких образцов в позднее время уже фигурирует и литературное творчество писателей Выга.

Источниковая база соответствует задачам диссертационного исследования. Из накопленных наукой к данному моменту материалов, относящихся к старообрядческой литературе и письменности, О. Д. Журавель

выбран репрезентативный цикл сочинений, обеспечивающих её исследованию должный уровень. Автором аналитически описаны разработки старообрядцев в области риторики, рассмотрены особенности такого важного источника как старообрядческие риторические сборники барочного типа (около 40 списков) и связанные с ними списки Антологии сочинений Выговского киновиарха Андрея Денисова (7 списков, 5 из которых введены в научный оборот впервые). К исследованию привлечен также ряд сборников пестрого состава, в которых учтены авторитетные в старообрядческой традиции литературные жанры. Диссертанткой впервые введены в науку и опубликованы новые неизвестные рукописные материалы, описанные ею как «литературные факты». Все эти материалы обеспечивают исследование предложенных аспектов старообрядческой литературной культуры как динамического единства.

Методологическую и теоретическую базу диссертации формирует авторская концептуальная стратегия. Избранные методологические форматы, примененные к анализу литературной культуры старообрядцев, сочетают такие необходимые для подобного масштабного исследования методы как историко-литературный, сравнительно-типологический, культурно-исторический, а также ряд частных методик, связанных с текстологическим методом и герменевтикой, источниковедением литературы, позволяющих осмыслить характер динамики явлений литературной традиции в исторически обоснованных вариациях. Автор использует также историко-функциональный подход для описания литературных и внелитературных «текстов» как динамически и взаимно развивающихся систем. Многозначность характера методологических построений обусловлена не только поставленной теоретической задачей, но также объемом и сложным характером самих источников, требующих разнообразных методик исследования.

Диссертация, общим объемом 589 с., состоит из введения, пяти глав, заключения, списков источников (рукописных, с кратким археографическим описанием их), использованной литературы; приложения.

Во *Введении* автором обосновывается актуальность и новизна, показана степень изученности темы, определена цель и концептуальные задачи исследования; описана практическая и теоретическая значимость работы; методология и методы исследования.

В «Главе 1: Литературная культура старообрядцев: риторика как метод» О. Д. Журавель обсуждает проблему риторики и возникнове-

ния у старообрядцев культуры поучения, утверждает появление в сфере литературных штудий старообрядцев первых десятилетий XVIII в. «нового типа творчества», связывая его с Выгом – центром старообрядцев поморского согласия. Диссертантка, как мне представляется, стремится показать принципиальную важность появления старообрядческих писателей второго поколения как ученых. Андрей и Семен Денисовы и др. «выгорецкие большаки» включают в сферу своих литературных интересов риторику, философию (прежде всего как «любомудрие») и христианскую этику («ифику»), диалектику. О. Д. Журавель вполне обоснованно связывает активную перестройку в системе литературной культуры старообрядцев второго поколения с общими процессами перестройки «филологической культуры» в России рубежа XVII – XVIII вв., отмечает ломку жанровой системы, в поле которой попадает проповедь в разных её ипостасях (Слова, Поучения, Беседы, Плачи и пр.). Главной возможностью осуществить такую перестройку стало усвоение русской литературной культурой барочной эстетики. Считая, что «новое, барочное в своей основе представление об учености напрямую связывалось с филологической образованностью, с овладением риторическим искусством», являвшимся «главным условием литературного мастерства», диссертантка подробно исследует именно с этой позиции характер творчества Андрея Денисова (в том числе и его теоретические построения), последовательно превращая каждое сочинение киновиарха в «литературный факт». Анализ сочинений А. Денисова «Сотове медови», «О любомудрии», «О девстве» и др. свидетельствуют о ярком литературном таланте киновиарха и об основательном знакомстве с современными ему теориями текста. Особое место в главе занимают материалы, связанные с рецепцией старообрядцами Выга «люблианских идей» А. Белобоцкого. Анализ рукописной традиции «Великой науки» Белобоцкого в редакции Андрея Денисова диссертанткой с учетом всех известным к настоящему времени списков, в том числе, и черновиков. Важным представляется исследование риторических сборников как четких книг. Использование такого сборника, обеспечивая воспроизводство локусной литературной культуры (которую заложили на Выгу её основатели), выполняя функции собраний полемических материалов, являясь своеобразной хрестоматией авторитетных литературных образцов, служило доказательством принципов бережного отношения к традиции творчества и учительства. Могу добавить, что отдельные сочинения из сборника продолжали жить в книжных тради-

циях поморских старообрядческих центров более позднего времени (например, на Урале и в Сибири: Таватуй, Тюмень, Васюганье и пр.).

В *«Главе 2: Проповедь старообрядцев: особенности поэтики»* ставится вопрос о жанровой структуре проповеди, являющейся одним из реальных литературных жанров старообрядческой культуры. Рассматривая риторику как поэтику проповеди, диссертант связывает специфические приметы этого синкретического по своей природе жанра со сменой тех эстетических установок, о которых говорилось в предыдущей главе. Описывая старообрядческую Риторику-свод в двух её ипостасях, включая в сферу теоретических разработок старообрядцев нового поколения Поморскую риторику, Антологию А. Денисова, показывая те динамические изменения, которые характеризовали эти сочинения Выговской литературной культуры старообрядцами разных поколений, О. Д. Журавель приходит к выводу: Риторика-свод связана «сложными парадигматическими связями с риторическими и проповедническими сочинениями как заимствованными, так и оригинальными». Выговские риторики обеспечивали формирование стилистики и семантики проповеди, делая её для своего времени серьёзным жанровым образованием. Приемы барочной проповеди А. Денисова, реализовывающие её смысловую двуплановость («сене аллегорический»), риторическую изысканность и декоративность, подтверждены анализом одного из произведений А. Денисова о встрече в Москве персидского слона. Диссертантка заставляет увидеть в повествовании «сложную герменевтическую процедуру», в результате которой произведение прочитывается как аллегорическое. Анализ стилистики и семантического поля барочных проповедей на примере сочинений, посвященных концепции человека как «бытия, обладающего свободой и волей» (Андрей и Семен Денисовы), доказывает, что у этих писателей XVIII в. образ человека связан с концепцией его в патристике. Сочинения более позднего времени с той же тематикой и написанные в другом литературном ключе («Что есть человек и какое он получил от Бога благородие» А. М. Запьянцев, 1909) «в эпоху русского духовного ренессанса», «исканий вечности и смысла», в эпоху «разрыва с русским просветительством и позитивизмом» (Н. Бердяев) также сохраняют писателем-старообрядцем истоковые связи с общехристианской идеей человека-бытия, «мира в малом». На сочинениях писателя XX века Афанасия Мурачева, в народно-христианском духе разрабатывавшего евангельские сюжеты, показан еще один тип «проповеди», не имевший

четкого «риторского» структурирования, но характеризующийся «смысловой двуплановостью», которая и придает, как считает О.Д. Журавель, «жанровую идентичность проповеди» её современным модификациям.

Глава 3 посвящена *старообрядческой утопии*, которая предстает как наджанровое образование в целой группе текстов разных жанров, обслуживающих старообрядческую литературную культуру на протяжении веков. На фоне анализа утопической практики Выга с точки зрения эсхатологической теории, выполненной историками в основном на исторических и автобиографических памятниках (прежде всего Р. Крамми, Н. Гурьяновой), диссертантка берет всю палитру сочинений, отражающих утопическое сознание старообрядцев. Утопические идеалы, реализующиеся в сочинениях старообрядцев, содержащих разнообразные знаковые элементы, обеспеченные определенным комплексом мотивов, складываются в некий метажанр. Общая концептуальная составляющая придает им динамическое единство и способность к существованию в локальной старообрядческой культуре на протяжении длительного исторического периода. Весь материал главы свидетельствует о том, что составляющие старообрядческой утопии основаны «на актуализации» эсхатологической символики, «аллегорический сенс» которой составляют мифологемы Церкви, освещенные образом «старообрядческой пустыни», а также основанные на системе ключевых мотивов, обеспечивающих основу утопического текста. Выговские киновиархи связывали образ «старообрядческой пустыни» с цитаделью в мире духовного антихриста. О. Д. Журавель у истоков концепции старообрядческой утопии размещает сочинения А. Денисова: «Об антихристе»; «На книжицу Стефана митрополита рязанского об Антихристе» и др. и убедительно подтверждает эсхатологический характер теоретических и литературных построений Денисова. Концепция «конца времени» требовала от старообрядцев историософического объяснения, иначе они оставались вне истории. В духе ухронии А. Денисов (эта концепция поддерживается старообрядцами-поморцами до настоящего времени) выстроил концепцию «золотого века» (идеальное прошлое Руси, III Рим), обозначил место и время разрыва с историей (Россия 1666 г.) и пути к спасению (граждане Нового Иерусалима, пустынножители). Достоинством работы О. Д. Журавель является (не только в рассматриваемой, но и в других главах) литературоведческий подход к сочинениям старообрядцев, которые в таких позициях исследователями практически не изучались (она фиксирует,

например, аллегорию Церкви-Матери как относящуюся к топике старообрядческой прозы вообще, описывает топик старообрядческого литературного образа «райского сада» с его мотивами света, сияния, блеска, красоты, сладости; мотивную структуру утопических сюжетов разных старообрядческих сочинений с их концептами – «век», «непрестанный путь», «связь живых и мертвых» и пр.). В главе рассмотрены также поздние старообрядческие сочинения и духовные стихи, сохраняющие практически все элементы ранней выговской утопии в старообрядческой литературной культуре.

В *«Главе 4: Старообрядческие книжные плачи»* предлагается их анализ как одного из жанров «проповеднического дискурса», поднимаются вопросы их жанровой типологии, обсуждается их место в литературной культуре старообрядцев разного времени. Как известно, на Выгу формируется своеобразный культ надгробных слов, в структуре своей близких т.н. «самоопределившимся похвальным словам» киевской академической школы рубежа XVII – XVIII вв., культивируемым в русской проповеднической практике начала XVIII в., однако испытавшим сильное влияние народной причети. Автор отмечает разножанровую основу выголексинских надгробных слов, созданных «на пересечении книжной и фольклорной традиций», их умение соединять разные стилистические пласты (библейскую и церковно-обрядовую образность, топик народной причети, барочный ригоризм). Характер синкретизма книжных плачей выголексинской школы автор описывает на одном из беседословных полемических старообрядческих текстов: «Чесо ради ныне мнози нарицают время, достойное плача...». О. Д. Журавель убедительно показывает, что публицистическая проповедь (беседа в форме ответа на вопрос) осложняется здесь образной и ритмической основой, близкой к плачам и духовным стихам, имеет глубокую связь с идеологическими проблемами в старообрядческом сообществе указанного времени. Из поздней традиции диссертантка выбирает «Плач» Богородицы А. Мурачева и плачи по пустыни м. Елены, которые свидетельствуют о воспроизводстве в современной старообрядческой литературной культуре моделей плачевой структуры, обнаруживающей свой креативный потенциал.

В *«Главе 5: Агиографический жанр в современной старообрядческой литературе»* диссертантка обращается к рецепции жанра жития в позднейшей старообрядческой литературной культуре, представляя его через «обширное историко-агиографическое сочинение, созданное в 40-х –

90-х гг. прошлого века – Урало-Сибирский патерик». Определив характерные особенности ранней старообрядческой агиографии в системе динамических изменений в этой обширнейшей по жанровым воплощениям древнерусской традиции, диссертантка связывает их, во-первых, с особым характером изменений агиографического канона вообще в период перехода от Средневековья к Новому времени, во-вторых, с «осознанием старообрядцами своей особой религиозной миссии» (через осознание места человека в мире, эсхатологические идеи и историософические идеалы). Построение концепции монастыря как сакрального пространства, формирование «круга истинноверующих» послужили основой создания поморскими старообрядцами второго и следующих за ними поколений литературы патерикового типа, агиобиографий («историческое повествование с агиографический нарративом»). Эти же позиции выговских старообрядцев позволили им теоретически обосновать и закрепить в литературе права старообрядческой литературной культуры на агиографию, которые и оказались воспринятыми в старообрядческой литературе новейшего времени. Урало-Сибирский патерик, о котором идет речь в главе, сформирован на основе жанра «Родословий», важного для передачи преемственности «сакрального» в членах общины пустынножителей, о которых идет речь в Патерике, агиографической традиции как общерусской, так и старообрядческой, фольклора. Интерес представляют, на мой взгляд, приемы «адаптации» сочинений «внешних авторов» при компилировании источников, система введения цитат, описание синкретического характера стиливых пластов, устно-поэтическая языковая стихия, формирующие специфический художественный облик Патерика. Жизнеспособность литературной традиции и способность её сохранять литературный канон столь длительное время справедливо объясняются О.Д. Журавель «актуальностью представлений о святости, свойственных народной культуре и получивших своеобразное преломление в культуре старообрядчества». Подчеркнем также, что рецепция Выговской агиографической традиции в сочинении новейшего времени – еще одно свидетельство модификации «принципов творчества» писателями-старообрядцами XX в.

В *Заключении* сформулированы основные результаты исследования, показавшего, что старообрядческая литературная культура соответствует всем характеристикам традиционной литературной культуры и может быть описана как неотъемлемая часть русского литературного процесса, но имеет свои внутренние законы исторического существования.

По обязанностям оппонента перехожу к некоторым конкретным *замечаниям*.

1. В исследовании, как мне представляется, недостаточно четко очерчена система риторических взглядов, представленная тремя поколениями Выговских киновиархов. Могу согласиться, что Андрей и Семен Денисовы – это трансляторы барочной культуры и, соответственно, риторических традиций барокко, но Андрей Борисов, на мой взгляд, реализовал преимущества уже риторики классицизма. Более точный, дифференцированный характер различий разных поколений выговской риторической школы мог бы дать дополнительный материал для описания динамических процессов в старообрядческой литературной культуре XVIII в.

2. Что вы понимаете под проповедью как литературоведческим дискурсом: это жанр, вид литературы или риторическая конструкция? Если одно из последних определений, то какие жанровые формы она представляет в старообрядческой литературной культуре и, главное, почему?

3. В главе 3 Вы говорите о важном для некоторых выводов в работе положении, поддерживаемом рядом исследователей. Оно касается процессов разрушения агиографического жанра в XVII в. Действительно, мы замечаем усиление личностного начала, авторский голос в литературных сочинениях, появление автобиографии, жизнеописаний «обычных людей», но не говорит ли это скорее о появлении иных жанров, еще малознакомых русской литературе и использующих приемы агиографической прозы в своем стилистическом поле, о жанровой дифференциации описаний «бытия» и «святости». Добавлю, что Азбуковники рубежа XVII в. в словарной статье понятие «житие» толкуют как «бытие», а «жизнь» связывают с агиографическим каноном. Ср. с жизнеописаниями выговских «граждан Небесного Иерусалима», живущих «жизнью вечной».

Предмет и содержание диссертации Ольги Дмитриевны Журавель *«Литературная культура старообрядцев XVIII–XX вв.»* соответствует избранной специальности 10.01.01 – Русская литература и представляет собой разработку проблем в областях истории русской литературы XVIII – XX веков; «индивидуально-писательского и типологического выражения жанрово-стилевых особенностей в их историческом развитии»; «взаимодействия русской и мировой литературы, древней и новой» (см. паспорт специальности, области исследования п. 1, 2, 9, 17). Объект исследования согласован с паспортом специальности и представлен литературными материалами, в том числе существующими в рукописном виде, хранящимися в архивах России.

Работа О. Д. Журавель на соответствующем уровне представлена публикациями, в том числе статьями в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ, монографией. Автореферат полностью отражает основные положения исследования.

Важность поставленных и решенных в диссертации задач, актуальность и новизна выполненного исследования, обоснованный методологический уровень их решения, несомненная теоретическая и практическая значимость работы, которую можно оценить как крупное научное достижение в области истории русской литературы, позволяют сделать вывод, что диссертация Ольги Дмитриевны Журавель «*Литературная культура старообрядцев XVIII–XX вв.*» соответствует всем требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, предъявляемым к докторским диссертациям в том числе п. 9, 10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», а её автор, Журавель Ольга Дмитриевна, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой древних литератур и
литературного источниковедения
Новосибирского национального
исследовательского государственного
университета

Елена Ивановна Дергачева-Скоп

630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2
(383) 330-08-62
decanat@gf.nsu.ru

Подпись *Е. И. Скоп* заверяю
Специалист Управления кадров НГУ
Ирина Коношова
« 09 » июля 2014 г.

